

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации»

На правах рукописи

Кресс Вячеслав Викторович

**СИСТЕМА ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени доктора
юридических наук

Москва – 2026

Диссертация выполнена в федеральном государственном научно-исследовательском учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Официальные оппоненты:

Дедов Дмитрий Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», судья Европейского суда по правам человека в отставке;

Кулаков Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», почетный работник сферы образования Российской Федерации;

Валеев Дамир Хамитович, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета ФГАУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Заслуженный юрист Республики Татарстан.

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Защита диссертации состоится 21 декабря 2026 года в 11:00 на заседании диссертационного совета 02.1.002.04 при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации по адресу: 117218, Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – www.izak.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Ф.В. Цомартова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современная наука гражданского права преимущественно концентрируется на изучении локальных вопросов правового регулирования: право собственности, юридические лица, интеллектуальная собственность, обязательства, гражданско-правовая ответственность и т.д. Научная и практическая значимость этих исследований не вызывает сомнений, но все они сводятся к вопросу о юридической сущности объекта гражданских прав. Изучение проблемы объектов гражданских прав и связанных с этим вопросов их неоднородного правового режима имеет первостепенное значение для юридической науки, законотворчества, правоприменительной практики.

В своем развитии социально и экономически ориентированное гражданское законодательство требует опоры на инструментарий и методологию юридической науки. Этим определяется объективная потребность в разработке современного научно-практического учения об объектах гражданских прав, их системе и видах, концепции правового регулирования объектов гражданских прав, реализуемой при совершенствовании законодательства. При высоких темпах изменения социально-экономической реальности и при отсутствии научно систематизированных и обоснованных представлений о качестве и признаках объектов гражданских прав невозможно ожидать эффективных и стабильных законодательных решений. Подходы российского законодателя к определению объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) не отличаются устойчивостью и выверенностью юридической классификации и квалификации, что подтверждается регулярными изменениями редакции ст. 128 ГК РФ за 30-летний период ее действия.

Условия современности (внедрение и повсеместное использование совершенствующихся технологий, недокомпенсация при защите гражданских прав и гражданско-правовой ответственности, разрыв экономического содержания и правовой формы товарообмена) ставят перед правоведением задачи

поиска оптимальной правовой формы возникающих отношений по обеспечению оборотоспособности и правовой охраны новых объектов гражданских прав. Приоритетной задачей науки гражданского права видится моделирование новых правовых режимов и принадлежности объектов гражданских прав, не существовавших в доцифровой экономике. Ее решение невозможно без выстраивания логики законодателя в формировании перечня объектов гражданских прав, правовой режим которых не является однородным.

В этой связи перед современной юридической наукой стоит задача модернизации учения об объектах гражданских прав и формирования научно-практической концепции их правового регулирования.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с формированием видов и системы объектов гражданских прав.

Предмет исследования – институты права, нормы российского и зарубежного законодательства, регулирующие общественные отношения, составляющие объект научного исследования, правоприменительная практика, а также отечественная и зарубежная доктрина по теме исследования.

Цель и основные задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формулировка и обоснование нового научно-практического знания о понятии и системе объектов гражданских прав в современном гражданском праве.

Исходя из указанных целей диссертационного исследования поставлены следующие задачи:

- определить функциональное назначение и закономерности формирования системы объектов в действующем российском гражданском законодательстве;
- определить квалифицирующие признаки объекта гражданских прав;
- выявить нетрадиционные объекты гражданских прав;
- проследить и обосновать особенности формирования цифрового гражданского оборота как среды формирования новых объектов гражданских прав, адаптивных для цифровой экономики;

- определить специфику гражданско-правового режима цифрового имущества;
- предложить варианты разрешения проблемы понятия имущества как гражданско-правовой категории;
- выявить и предложить разрешение проблемы формирования и отражения в российском законодательстве правового режима недвижимого имущества;
- обосновать специфику имущественных прав как объектов гражданских прав;
- выявить особенности результатов работ и оказания услуг в системе объектов гражданских прав;
- проанализировать вопросы правового режима результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как объектов гражданских прав;
- определить критерии систематизации объектов гражданских прав в российском гражданском законодательстве;
- оценить релевантность зарубежного опыта регулирования объектов гражданских прав при совершенствовании российского права;
- сформулировать предложения по формированию концепции гражданских прав в российском законодательстве.

Степень научной разработанности темы исследования. Сама проблематика объектов гражданских прав и их системы поставлена в современной науке гражданского права, но следующие из нее научно-практические вопросы, имеющие первостепенное значение для современного правоведения и развития законотворчества так и не решены: качественные признаки объекта гражданских прав, функциональное назначение системы объектов гражданских прав, критерии систематизации объектов гражданских прав различной юридической природы.

В дореволюционный период разработкой теории объекта права и правоотношения в науке гражданского права занимались такие ученые, как К.Н.

Анненков, В.Г. Виноградов, Ю.С. Гамбаров, Д.Д. Grimm, В.Г. Кукольник, Д.И. Мейер, К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич и др.

В советской теории гражданского права вопросы объектов гражданских прав исследовали М.М. Агарков, С.С. Алексеев, К.О. Берновский, О.С. Иоффе, Я.М. Магазинера, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина и др.

На этапе становления частноправовых отношений в России теорию и практику объекта гражданских прав разрабатывали В.А. Дозорцев, А.Л. Маковский, Е.А. Суханов, В.Ф. Яковлев, А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой, В.А. Белов, В.А. Лапач, В.И. Сенчищев и др.

На современном этапе существенный вклад в исследование проблематики объектов гражданских прав внесли Г.А. Гаджиев, А.В. Егоров, А.А. Иванов, Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова и Т.С. Яценко.

Вместе с тем следует отметить, что большинство имеющихся публикаций по проблемам объектов гражданских прав и их системы не разрешают вопросов, поставленных в настоящей работе. В российской теории и практике гражданского права наблюдается правовая неопределенность относительно понятия и принципов систематизации объектов гражданских прав и квалифицирующих их признаков.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общие и специальные методы научного познания, использование которых позволило автору провести исследование и подготовить научно-квалификационную работу по проблемам объектов гражданских прав.

Использование общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, дедукция, диалектический метод) позволило систематизировать знания, сформулировать и структурировать суждения, взятые за основу положений, вынесенных на защиту.

В ходе исследования также были применены специальные методы юридического познания – формально-юридический, технико-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой. С использованием метода сравнительного анализа был рассмотрен опыт зарубежных стран в формировании

системы объектов гражданских прав. При анализе систематизации объектов гражданских прав на различных этапах развития российского общества применялся историко-правовой метод, позволивший выявить контекст и предпосылки законодательных решений, сложившихся в определенные периоды развития государства и права.

Теоретическую основу исследования составили научные труды ведущих российских и зарубежных ученых, разрабатывавших практические и теоретические вопросы признаков, системы, видов объектов гражданских прав.

Нормативная база исследования представлена российскими законодательными и иными нормативными правовыми актами, регулирующими общественные отношения в области формирования видов и систематизации объектов гражданских прав, а также соответствующими актами зарубежных стран.

Эмпирическую базу исследования составляет практика применения положений норм российского и зарубежного гражданского законодательства, определяющих различные аспекты формирования системы объектов гражданских прав.

Научная новизна исследования заключается в формулировке авторской концепции системы и видов объектов гражданских прав, разработанной с учетом современных вызовов социального и экономического развития общества.

Основу концепции составляет тезис о необходимости пересмотра принципов систематизации объектов гражданских прав, для каждого из которых вводится и действует индивидуальный правовой режим. В развитие этого положения сформулированы теоретическое определение и признаки объектов гражданских прав; обусловлена целесообразность введения в законодательство термина «виртуальное (цифровое) имущество»; на основе выявленных универсальных признаков включаемых в его состав объектов сформулировано теоретическое определение виртуального (цифрового) имущества; поскольку положение виртуальных (цифровых) объектов в системе объектов гражданских прав не определено, предложено исключить из перечня объектов гражданских

прав (ст. 128 ГК РФ) цифровые права, одновременно включив в него непосредственно виртуальное (цифровое) имущество; обоснована целесообразность отказа в контексте ст. 128 ГК РФ от обобщающей категории «имущество», и сформулированы сопутствующие такому отказу предложения.

Проведенное исследование позволило сформулировать научно-теоретические положения, а также рекомендации по совершенствованию действующего российского законодательства, соответствующие критериям новизны, выносимые на защиту:

1. Индивидуальные квалифицирующие признаки объекта гражданских прав определяются совокупностью факторов: экономических (наличие спроса и предложения на рынке в отношении товара), социальных (обеспечение правовой защищенности социальным ценностям) и юридических (возможность распоряжения, установление и действие специального режима оборотоспособности).

Построение системы объектов гражданских прав в действующем российском законодательстве не подчинено правовой логике и последовательности, качественным признакам и критериям, что могло бы обеспечить определенность, стабильность и предсказуемость российского законодательства в целом, а также эффективные межотраслевые связи в системе российского права и законодательства. Фрагментарное и ситуативное законодательное признание отдельных товаров и благ объектами гражданских прав ведет к смешению формы и содержания в правовом регулировании, разрушению правовой логики правовых решений.

2. С позиций философии частного права объект права целесообразно раскрывать через ключевое понятие «явления действительности», рассматриваемые как объективная реальность – совокупность существующего как результата закономерного развития природы, общества и духовной культуры в ее объективном значении. При этом под овеществленными явлениями действительности следует понимать предметы (вещи), а под неовеществленными – духовные начала. Таким образом, объекты права – это предметы и иные явления

объективной действительности, овеществленные и неовеществленные, которые на различных этапах общественного развития меняют как содержательные характеристики, так и правовые формы опосредования.

В основу систематизации объектов гражданских прав может быть положен критерий определения правовой природы абстрактных предметов и явлений действительности, характеризующийся совокупностью их признаков. Совокупность физических и функциональных признаков объекта предопределяет устанавливаемый в его отношении правовой режим.

Исходя из данного критерия и на основе проведенного анализа перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав считаем возможным предложить следующую их систему: 1) вещи (включая документарные ценные бумаги и наличные денежные средства); 2) бестелесное имущество (в том числе результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, виртуальное (цифровое) имущество, энергоресурсы, доля в праве собственности); 3) нематериальные блага; 4) имущественные права и обязанности (обязательственные права, исключительные права, иные интеллектуальные права имущественного характера, бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, цифровые рубли); 5) имущество как совокупность вещей и (или) имущественных прав и обязанностей (в том числе имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс); 6) результаты работ и оказание услуг.

Для определения возможности «вписания» нового объекта гражданских прав в их систему следует уяснить его правовую природу, проанализировав его физические и функциональные признаки.

3. В отличие от закрепления в законодательстве принципов права выделение объекта гражданского права предполагает синхронное определение его индивидуального правового режима как обязательного условия достижения цели гражданско-правового регулирования, то есть номинирования конкретной разновидности объекта гражданских прав в законодательно установленном перечне (ст. 128 ГК РФ) еще недостаточно для возникновения его характеристик

как объекта гражданских прав – для этого требуется синхронное нормативное определение конкретных режимов его оборота и (или) правовой охраны.

Гражданско-правовой режим объектов гражданских прав устанавливается и определяется индивидуально в отношении каждого вида объектов гражданских прав (индивидуально-определенные вещи, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, корпоративные активы, обязательственные и иные права с имущественным и неимущественным содержанием). Вместе с тем невозможно установление общего (единого) режима для нескольких групп разнородных объектов гражданских прав. Это показывает правовую неопределенность понятий «иное имущество», «другое имущество», употребляемых в законодательстве и правоприменительной практике.

Индивидуальность гражданско-правового режима объекта гражданских прав формирует особенности взаимосвязи прав и обязанностей субъектов гражданского права в структуре гражданского правоотношения.

4. Легитимированная законодательством система объектов гражданских прав является ведущим конститутивным признаком обеспечения законности и правопорядка в статике и динамике гражданского оборота конкретной правовой системы и юрисдикции, являясь составной частью экономического порядка государства.

5. Последовательный и постепенный переход к цифровой экономике предопределяет формирование двух связанных, но предметно обособленных друг от друга плоскостей формирования и развития гражданских правоотношений и, соответственно, вовлечения и участия в них качественно различающихся систем объектов гражданских прав. Цели, предмет, метод правового регулирования гражданских правоотношений для них будут кардинально различаться в том числе с точки зрения правовой охраны частных и публичных интересов.

В цифровой экономике объективно возникает новая организационно-правовая среда как пространство реализации имущественных интересов по поводу дематериализованных объектов гражданских прав, оборот и переход прав на которые не связаны с материальным носителем и не имеют аналогов в

праве традиционной (доцифровой) экономики. Таким образом складывается новая инфраструктура рынка – цифровой имущественный оборот, в котором формируются новые правила оборотоспособности и признаки объектов гражданских прав.

В цифровом гражданском обороте родовым признаком объектов гражданских прав выступает качество и свойство цифрового (виртуального) имущества, а его отдельными видами являются криптоактивы, доменные имена, криптокошельки, информационный код и др.).

Цифровое (виртуальное) имущество представляет собой особый нематериальный объект гражданских прав, обладающий экономической или потенциальной стоимостью и существующий в рамках определенной информационной системы (неотделим от нее без потери его основных свойств, определяющих его ценность) в соответствии с установленными администратором или владельцем такой системы правилами, определяющими механизмы создания, функционирования и оборотоспособности такого объекта. Имплементированные в предложенное определение признаки позволяют отграничить входящие в его состав объекты уже существующих в цифровой форме объектов, в отношении которых в настоящее время установлен правовой режим (базы данных, программы ЭВМ и т.д.).

Предложено исключить из перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) цифровые права, одновременно включив в него непосредственно виртуальное (цифровое) имущество, распространив на него гражданско-правовой режим цифровых прав с учетом наполнения содержания последнего, без которого в настоящее время данная дефиниция имеет абстрактный (неопределенный) характер.

6. Выявлено, что первичным, исходным принципом правового регулирования отношений, возникающих в сфере принадлежности и оборота цифровых (виртуальных) объектов, является принцип “the Code is the Law” (код – это закон), который должен быть сочленен с национальным законом. Цифровой суверенитет каждой правовой системы предполагает наполнение цифрового кода

общеобязательными для соблюдения запретами и ограничениями, условиями оборотоспособности конкретных разновидностей цифрового имущества.

7. Нематериальные блага органически входят в систему объектов гражданских прав как обязательное условие возникновения в их отношении гражданско-правового отношения. В сфере гражданско-правового регулирования нематериальные блага подчинены дифференцированному правовому режиму: для передаваемых нематериальных благ устанавливается режим их оборотоспособности (переход прав на средства индивидуализации и др.), в отношении непередаваемых (право на честь и достоинство, деловую репутацию и др.) – будут применяться правоохранные механизмы компенсации и возмещения.

Принимая во внимание то, что некоторые нематериальные блага могут выступать объектом гражданско-правовых сделок, в основе предложенной в работе классификации нематериальных благ использован критерий оборотоспособности. На его основе перечисленные в ст. 150 ГК РФ нематериальные блага целесообразно классифицировать на имеющие имущественное содержание и не имеющее такового.

К первой группе нематериальных благ, имеющих имущественное содержание, предложено отнести деловую репутацию, имя (псевдоним) гражданина, его изображение. Их характеризуют следующие отличительные признаки: 1) возможность денежной оценки; 2) ограниченная оборотоспособность – при установленных в законе условиях нематериальные блага могут быть объектом гражданско-правовых сделок.

По остаточному принципу иные нематериальные блага составляют вторую группу нематериальных благ. Таким благам, не имеющим материального содержания, присущи признаки отсутствия экономического содержания и непередаваемость.

Общими (универсальными) признаками нематериальных благ являются: 1) приобретение от рождения или в силу закона; 2) невещественный характер; 3) неотчуждаемость.

8. Информация, имеющая коммерческую ценность, является особым объектом гражданских прав, в отношении которого возможны заключение сделок и исполнение гражданско-правовых обязательств, выявление правомерных и неправомерных действий.

Аргументирован вывод о том, что информация является опосредованным объектом гражданских прав, поскольку по своей природе она является частью (содержанием) прямо поименованных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав (нематериальных благ или результатов интеллектуальной деятельности), что создает конструкцию объекта внутри объекта. В этой связи высказано предположение условно именовать указанный в законе объект гражданских прав (нематериальное благо или результат интеллектуальной деятельности) объектом первого порядка (уровня), а составляющие его часть (содержание) сведения (информацию) – объектом гражданских прав второго порядка (уровня).

Таким образом, правовой режим информации как объекта гражданских прав второго порядка (уровня) будет определен объектом гражданских прав первого порядка (уровня), частью (содержанием) которого она является.

9. Методы дозволения и правонаделения в гражданском праве обеспечивают возможность включения в гражданский оборот новых объектов по мере усложнения и развития экономических отношений. Универсальным и родовым признаком формирования системы объектов гражданских прав является отсылка законодателя к «иному имуществу», прямо не поименованному законом.

Отсылка законодателя к «иному имуществу» на ранних этапах становления в России рыночной экономики обеспечивала адаптационное свойство гражданского законодательства и вместе с тем его стабильность, допуская формирование судебно-правовых позиций как направлений актуализации гражданского законодательства. Введение законодателем общего термина «имущество» означает совокупность или любые потенциально возможные вариации сочетания форм принадлежности предусмотренных гражданским законодательством видов объектов гражданских прав правообладателю.

В работе обоснован вывод о целесообразности отказа в контексте ст. 128 ГК РФ от обобщающей категории «имущество», что в первую очередь обусловлено невозможностью установления единого (общего) правового режима в отношении данного объекта гражданских прав, а также приведением к единообразию использования в гражданском законодательстве категории «имущество».

В работе сформулированы следующие предложения:

- понятие «иное имущество», под которое в настоящее время по остаточному принципу подводят новые объекты гражданских прав, заменить категорией «бестелесное имущество», что с учетом тенденции к дематериализации объектов имущественных отношений позволит сохранить зарезервированное место в системе объектов гражданских прав для новых нематериальных объектов;

- вещи и имущественные права как объекты гражданских прав с позиции установленного в их отношении правового режима имеют самостоятельное значение, вследствие чего их искусственное объединение лишено практического смысла. Вместе с тем оправданным представляется использование в гражданском законодательстве понятия «имущество» как совокупности вещей и (или прав). В связи с этим предложено ст. 128 ГК РФ дополнить самостоятельным объектом гражданских прав – «имущество», при этом автором диссертации сформулировано следующее его определение: имущество – это совокупность или различные сочетания принадлежавших субъекту перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав, включая права требования и обязанности, обособленных самим субъектом или законодателем для каких-либо целей, в том числе для введения в гражданский оборот. При этом по смыслу ст. 132, 133¹ ГК РФ с учетом предлагаемого нами содержательного наполнения понятия «имущество» считаем имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс разновидностью имущества.

10. В работе сформулирован вывод об отнесении к объектам недвижимости только таких объектов, которые неразрывно и функционально связаны с

использованием земельного участка как объекта застройки: здания, сооружения, единые недвижимые комплексы, помещения (жилые и нежилые), машино-места. В этом смысле объекты незавершенного строительства, воздушные и морские суда не соответствуют данному критерию и не входят в категорию объектов недвижимости. Показано, что в правовых системах современности законодательные подходы к определению недвижимости обусловлены национальной спецификой развития земельных отношений.

11. Потребностями гражданского оборота и развитием форм инвестирования и капитализации инспирирована необходимость уточнения признаков и правового режима доли в праве общей собственности: она имеет нематериальный характер; в праве выражается математической формулой в виде дроби – части по отношению к целому; в праве не тождественна по своему правовому режиму вещи и праву собственности на нее, то есть наличие долей в праве не предполагает деления права собственности (ни по правомочиям, ни по объему); ее размер влияет лишь на имущественные выгоды и обременения ее обладателя, в том числе в отношениях между сособственниками.

12. Имущественное право может выступать объектом распоряжения при совпадении нескольких условий: коммерческая ценность самого права, а не его объекта; возможность распоряжения им по модели купли-продажи или цессии.

Обоснован вывод о том, что право собственности в контексте ст. 128 ГК РФ не является объектом гражданских прав. В настоящее время обязательственные и исключительные права как отвечающие сформулированным в доктрине признакам имущественных прав (связь с имуществом, оборотоспособность и возможность денежной оценки) являются отдельными объектами гражданского права, в связи с чем из ст. 128 ГК РФ предложено исключить категорию «имущественные права» и включить в качестве самостоятельных объектов обязательственные и исключительные права.

13. Внесение изменений в гражданское законодательство в части расширения перечня объектов недвижимых вещей обусловлено комплексом причин – в первую очередь сохранением господствующей роли государственной

собственности на землю, а также современным социально-экономическим состоянием рынка недвижимости, что не свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в отечественную правовую систему концепции единого объекта недвижимости. Об этом свидетельствуют новации гражданского законодательства о реализации принципа приращения – право собственности на созданные здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место возникает у собственника земельного участка, на котором расположены указанные объекты.

При этом в работе сформулирован вывод о целесообразности сокращения перечня объектов недвижимых вещей за счет исключения из текста ст. 130 ГК РФ указания на участки недр, объекты незавершенного строительства, а также воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. В результате к недвижимым вещам предложено относить земельные участки и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, единые недвижимые комплексы, а также помещения (жилые и нежилые) и машино-места в редакции ст.130 ГК РФ.

14. Аргументировано, что самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

В целях решения практических проблем признания конкретного «иного интеллектуального права» имущественным следует проанализировать его с точки зрения наличия или отсутствия у него имущественного признака. К числу таких признаков могут быть отнесены возможность денежной оценки интеллектуального права, а также допустимость перехода интеллектуального права от одного лица к другому или возможность распоряжения им.

Научная и практическая значимость исследования состоит в формировании нового научно-практического знания о признаках, видах и системе объектов гражданских прав, реализуемого не только в новых категориях и направлениях развития академической науки, но и в возможности разработки на

основе выполненного исследования концепции правового регулирования объектов гражданских прав.

Полученные результаты могут быть использованы в законотворческом процессе, образовательной деятельности, правоприменительной практике как слагаемые концепции правового регулирования системы и видов объектов гражданских прав.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и предложения, сформулированные диссертантом, отражены в опубликованных трудах в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Положения диссертации обсуждены и одобрены на заседании Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Структура работы обусловлена поставленными целями и сформулированными задачами проведения исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих в себя 21 параграф, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** показана актуальность темы исследования, раскрыта степень ее научной разработанности, определены цели и задачи исследования, его объект и предмет, охарактеризованы методологическая и теоретическая основы, нормативная и эмпирическая база научного исследования, обоснованы научная новизна, теоретическое и практическое значение, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, указаны направления апробации результатов исследования.

Первая глава «Историко-ретроспективный анализ развития правового режима объектов гражданских прав» посвящена анализу категории объектов гражданских прав в различные периоды развития юридической науки.

В первом параграфе «Дореволюционный период развития элементов системы объектов гражданских прав» проанализированы доктринальные позиции дореволюционных ученых в отношении рассматриваемой категории, основанные на римских источниках.

Все существующие на тот период времени выводы можно условно объединить в два основных направления: монистическое и плюралистическое. Ученых, определяющих в качестве объекта только одну категорию (благо или интерес, или действия и т.д.), можно отнести к сторонникам монистического направления. Плюралистическое направление в качестве объектов права признавало множество разнообразных явлений.

Несмотря на то, что дореволюционная доктрина не привнесла каких-либо революционных достижений в развитие теории об объектах права¹, их вклад в развитие современных представлений об объектах гражданских прав и их системе

¹ Фундаментальные работы монографического характера, посвященные рассматриваемой правовой категории, на том историческом этапе не появились, а учения об объектах гражданских прав преимущественно сводились к публикациям в рамках подготовки курсов, лекций и учебников по гражданскому праву, при этом изложенный в них материал повторяет ранее выработанные положения о понятии объекта прав и основан на римских источниках, а также исследованиях европейских ученых и Д.И. Мейера.

нельзя недооценивать: те немногие работы, посвященные анализу категории «объект права», основаны, прежде всего, на трудах дореволюционных ученых.

Во втором параграфе «Эволюция объектов гражданских прав в советском законодательстве» отмечено, что после Октябрьской революции 1917 года теоретические размышления об объектах права получили новое развитие, обусловленное марксистско-ленинской философией. Признаваемая единственно верной идеологией на том историческом этапе, она служила отправной точкой в любых исследованиях, в том числе правовой направленности. В поиске сущности объектов гражданских прав ученые-цивилисты советского периода сталкиваются с теми же проблемами, которые поставлены в общей теории права. Причем советская цивилистика рассматривает вопрос об объекте права в контексте разработки проблем общей части гражданского права и, в первую очередь, в контексте анализа правоотношений.

В советской доктрине сложилось три основных направления в решении вопроса о сущности объекта права и о тех явлениях, которые следует отнести к правовым объектам. В литературе наибольшее распространение получила позиция, согласно которой к объектам права следует относить действия, вещи (имущество), личные нематериальные блага. Достаточно широкое распространение получила теория, сторонники которой к объектам права причисляют исключительно (или прежде всего) вещи, при этом отрицая возможность отнесения к объектам права действий. И лишь некоторыми авторами отстаивается точка зрения, в соответствии с которой объектами права могут быть исключительно действия обязанных лиц, на которые могут притязать управомоченный. В параграфе отмечено, что все перечисленные теории объекта права выглядят достаточно убедительно с точки зрения определения явлений, подпадающих под категорию объекта права в зависимости от того смысла, который сторонники той или иной теории вкладывают в значение объекта прав.

В третьем параграфе «Развитие системы объектов гражданских прав в российском праве» автор исследует различные позиции современных ученых-правоведов в отношении понятия и классификации объектов гражданских прав, а

также мнения о соотношении объекта гражданских прав и объекта гражданских правоотношений.

Так или иначе большинство теорий основаны на одном из трех подходов: 1) объектом гражданских прав является то, на что направлены права и обязанности субъектов гражданских правоотношений; 2) объектом права признается то, по поводу чего возникает гражданское правоотношение; 3) объектом права является то, на что правомочие и обязанность оказывают или могут оказать воздействие. Еще одна теоретическая позиция заключается в отказе от использования рассматриваемой правовой категории, что объясняется ее непригодностью для практических целей.

В отношении конкретных видов объектов гражданских прав большинство авторов придерживается концепции «объект-благо». Наименьшей поддержкой пользуются теории «объект-идея», «объект-поведение» и «объект-правовой режим», а также теория о безобъектности субъективных прав.

В четвертом параграфе «Понятие объектов гражданских прав» анализируется одна из дискуссионных в современной юридической литературе правовых категорий «объекты гражданских прав». Обозначены причины отсутствия единого понимания в отношении данного понятия, рассмотрены доктринальные подходы в определении объектов гражданских прав, сформулированы объединяющие их квалифицирующие признаки, позволяющие отнести новые предметы или явления действительности к рассматриваемой категории.

Автор поддерживает сформулированную в научной доктрине теорию объекта-блага. При этом отмечено, что недопустимо определять понятие объекта права через термин «благо», поскольку данная правовая категория используется законодателем в ином смысле (в контексте перечня объектов гражданских прав, к которым относятся нематериальные блага) и предложено раскрывать рассматриваемое понятие через ключевое понятие – явления действительности, иными словами объекты права – это предметы и иные явления объективной действительности.

Особое внимание в параграфе уделено исследованию признаков объектов гражданских прав, в результате проведения которого выявлено, что едиными для всех объектов признаками являются признаки дискретности и их нормативное закрепление в этом качестве. На основе данных признаков сформулировано теоретическое определение объектов гражданских прав.

Вторая глава «Формирование нетрадиционных объектов гражданских прав» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф «Место «прав ожидания» в системе российского права» представляет собой постановку основных проблем законодательства о вещном праве – характер перечня вещных прав, возможность характеристики правоотношений в качестве вещных при отсутствии указания на них в качестве таковых в законе, соотношение «ожидаемых прав» с вещными. В параграфе анализируется практика государственных арбитражных судов по основным проблемным вопросам вещного права, практика Верховного Суда РФ, а также доктринальные источники.

Отмечено, что научные воззрения на природу вещных прав диаметрально противоположны. Кроме того, данная дискуссия в части ожидаемых прав осложняется спором о терминах – они именуются правами требования, секундарными правами, незавершенным юридическим составом. В результате проведенного исследования в параграфе предложена модель соотношения абсолютных прав, вещных прав, незавершенного юридического состава и категории «ожидаемых прав». В частности, сделан вывод о том, что наличие у лица ожидаемого права означает юридически неизбежное превращение его преимущественно в право собственности или иное ограниченное вещное право. Признание вещно-правовой природы данного права в большей степени способно защитить его обладателя в случае нарушения его прав, во-первых, в силу их абсолютности, а во-вторых, поскольку именно вещному праву свойственен принцип приоритета, при конфликте двух ограниченных вещных прав преимущество будет на стороне первоначального права. Реализовать такое правило в отношении ожидаемого права на объект недвижимого имущества

возможно исключительно при соблюдении принципа публичности, т.е. при закреплении процедуры государственной регистрации ожидаемого права. Введение в российское право института предварительной регистрации права ожидания (или его аналога) *de jure* наделит его обладателя – еще не являющегося обладателем ожидаемого субъективного права – защищаемым законом статусом.

Во втором параграфе «Эволюция понимания нематериальных благ в науке гражданского права» проанализирован период Древнего мира, в памятниках права которого были предприняты только попытки защиты отдельных видов нематериальных благ, основанных на принципе «талиона», который был положен также в основу регулирования соответствующих отношений Древней Руси. Отмечено, что в более поздние периоды правила римского права о деликтах и естественных правах были заимствованы и воспроизведены в своих нормативных актах многими западноевропейскими государствами, при этом в древнерусском праве особое внимание уделялось понятиям чести и достоинства, считающимся одними из элементов статусности и принадлежавшим представителям правящих сословий: родовой и военнотружнлой аристократии.

Период феодальной раздробленности большинства стран, в том числе и средневековой Руси, характеризуется усилением наказания за преступления против жизни и здоровья.

С развитием российского общества в период с XVIII – начало XX века нематериальным благам уделяется особое внимание. Дореволюционная отечественная доктрина в числе основных благ человека называла жизнь, здоровье и свободу, имя, честь, достоинство и т.д., вкладывая в их понятие порой отличное от современного содержание. При этом уже на том этапе развития науки неоднократно было указано на идеальный характер благ, неразрывно связанных с понятием личности – жизни, свободы, здоровья, чести, а также особо подчеркивалось, что в силу идеальности таких благ, они не могут быть оценены в денежном эквиваленте.

Действующий в настоящее время ГК РФ впервые в истории отечественного законодательства посвятил нематериальным благам и их защите отдельную главу, при этом в ст. 150 содержится примерный перечень нематериальных благ, которые относятся к основным правам и свободам, гарантированным Конституцией РФ.

Особое внимание в параграфе уделено законодательным и доктринальным признакам нематериальных благ.

Отмечено, что законодатель использует для характеристики таких благ термин «нематериальные», не раскрывая его смысла, что привело в доктрине к дискуссии о его содержательном наполнении: речь идет о его форме (т.е. невозможности овеществленного воплощения блага) или же о невозможности оценки блага в деньгах. Автор поддерживает доктринальную позицию тех ученых, которые раскрывают понятие «нематериальный» с позиции формы объекта. Поэтому одним из неоспоримых основополагающих признаков нематериальных благ, по мнению автора, является признак отсутствия вещественного содержания. Автором поддержаны также доктринальные выводы о возможности денежной оценки деловой репутации, поскольку они основаны на нормах действующего законодательства, которые прямо допускают возмездную передачу для использования другим лицом деловой репутации субъекта. В результате автор приходит к выводу о том, что признак отсутствия экономического содержания не является универсальным признаком, применимым ко все перечисленным в ст. 150 ГК РФ нематериальным благам. Кроме того, обоснование возможности денежной оценки ряда нематериальных благ также ставит под сомнение один из их законодательных признаков – непередаваемость.

Принимая во внимание, что некоторые нематериальные блага могут выступать объектом гражданско-правовых сделок, в работе предложена авторская классификация нематериальных благ, в основу которой положен критерий оборотоспособности.

В третьем параграфе «Понятие, свойства и классификация информации как объекта гражданских прав» отмечено, что вопрос о

самостоятельности информации как объекта гражданских прав и возможности включения ее в гражданский оборот является дискуссионным. К настоящему времени сложилось несколько подходов по существу обозначенного вопроса, которым в параграфе уделено особое внимание. Согласно первому из них информация рассматривается в качестве объекта гражданских прав и договорных отношений. Более того, информация имеет настолько сильную связь с товаром – вещью, что предложено распространить на нее все правила об объектах вещного права. Второй подход заключается в том, что информацию относят к интеллектуальной собственности. В соответствии с третьим подходом информация признается объектом гражданских прав только в случае ее отражения (закрепления) на материальном носителе. Еще один подход – четвертый – заключается в том, что информацию относят к нематериальным благам.

По результатам проведенного исследования в параграфе сформулирован вывод о том, что информация является опосредованным объектом гражданских прав, поскольку по своей природе она является частью (содержанием) прямо поименованных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав (нематериальных благ или результат интеллектуальной деятельности), что создает конструкцию объекта внутри объекта. В этой связи предложено условно именовать указанный в законе объект гражданских прав (нематериальное благо или результат интеллектуальной деятельности) объектом первого порядка (уровня), а составляющие его часть (содержание) сведения (информацию) объектом гражданских прав второго порядка (уровня).

Таким образом, правовой режим информации как объекта гражданских прав второго порядка (уровня) определен объектом гражданских прав первого порядка (уровня), частью (содержанием) которого она является.

В четвертом параграфе «Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов)» освещены две основные теории по существу дискуссионного вопроса об определении места энергии (энергетических ресурсов) в системе объектов гражданских прав. Представители первой из них признают энергию вещью и, соответственно, считают возможным применять в ее

отношении вещно-правовой режим. В настоящее время число сторонников этой теории увеличилось ввиду размещения законодателем нормативного материала о договоре энергоснабжения в главе о купле-продаже. В научной доктрине также предприняты попытки обосновать распространение вещного права в отношении энергии через категорию «бестелесные вещи». Вторая теория противопоставляется первой и заключается в непризнании энергии вещью.

Автор отрицает вещно-правовую квалификацию энергии и поддерживает позицию ученых, рассматривающих энергию исключительно в качестве объекта обязательственных прав, поскольку, учитывая ее физическую природу и возможность генерации и передачи исключительно через техническую инфраструктуру, энергия в качестве самостоятельного объекта гражданских прав может выступать только как предмет обязательственных правоотношений.

Третья глава «Влияние цифровизации на систему гражданских прав на современном этапе развития российского гражданского права» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Виртуальное (цифровое) имущество как объект гражданских прав» проанализированы новые объекты гражданских прав, появившиеся в процессе цифровизации, на примере игрового имущества, больших данных, доменного имени, трехмерных моделей. Автором представлены доктринальные позиции и судебная практика в отношении их правовой природы и квалификации.

Отмечено, что результаты цифровизации в научной литературе уже получили обобщенное наименование «виртуальное имущество», «цифровое имущество», «цифровые активы» и различных комбинаций из этих понятий, что еще раз подтверждает хаотичное использование терминологии. В результате диссертантом предложено в качестве обобщающего понятия использование термина «виртуальное (цифровое) имущество».

Особое внимание в параграфе уделено анализу признаков входящих в его состав объектов. Среди указанных признаков в юридической литературе называют такие характеристики, как экономическая ценность, возможность

использования исключительно в цифровой форме, их экстерриториальный характер, оборотоспособность, виртуальность (что обуславливает их нематериальность, бестелесность). Автор признает, что признак оборотоспособности имеет немаловажную роль с позиции определения гражданско-правового режима виртуального (цифрового) имущества, а также соглашается с последним признаком виртуальности в качестве универсального признака виртуального (цифрового) имущества. Действительно, один из объединяющих признаков для всех объектов – они нематериальны (бестелесны) и являются частью виртуального пространства. Однако данная характеристика должна быть дополнена указанием на то, что такие объекты неотделимы от виртуального пространства без утери их основных свойств.

На основе выявленных признаков, а также предложенных в научной доктрине классификаций таких объектов в параграфе сформулировано теоретическое определение виртуального (цифрового) имущества.

Во втором параграфе «Гражданско-правовой режим виртуальных (цифровых) объектов» проанализированы существующие в настоящее время гражданско-правовые режимы вещных прав, обязательственных прав, исключительных прав с позиции возможного их применения в отношении виртуального (цифрового) имущества. Отмечено, что в российской доктрине с отсылкой к иностранным источникам и зарубежному опыту предприняты попытки адаптировать концепцию вещного права к объектам виртуального мира. Вместе с тем ряд отечественных исследователей придерживается позиции, что виртуальное (цифровое) имущество с учетом его правовой природы, нематериальной (бестелесной) формы и существования исключительно в рамках определенной системы следует рассматривать в рамках интеллектуальной собственности. Признавая невозможность распространения на виртуальные объекты режимов вещного права и исключительных прав, в юридической доктрине также отмечается, что на цифровые объекты, возникающие и существующие исключительно в электронной форме, возникают цифровые права. Отмечено, что сложившаяся к настоящему времени система имущественных прав,

юридически закрепляющих присвоение различных объектов имущественного оборота, не позволяет учесть выявленные особенности виртуального (цифрового) имущества.

Указано, что цифровые права отнесены наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами к объектам гражданских прав. При этом все три названных объекта охвачены общей правовой категорией «иное имущество» и его разновидностью – имущественными правами. Учитывая нашедшую широкое распространение в юридической литературе теорию о цифровых правах как об особом способе удостоверения имущественных прав, автор категорически не согласен с таким решением отечественного законодателя. Бесспорно, цифровые права относятся к имущественным в силу прямого указания ст. 128 ГК РФ, однако это не меняет того, что объем юридического понятия имущественные права неизвестен сам по себе. Поэтому сведение их только к способам фиксации имущественных прав считаем несколько преждевременно.

В итоге в параграфе критикуется подход законодателя об отнесении цифровых прав к объектам гражданских прав, предложено исключить из перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) цифровые права, одновременно включить в него непосредственно виртуальное (цифровое) имущество, распространив на него гражданско-правовой режим цифровых прав с учетом наполнения содержания последнего, без которого в настоящее время данная дефиниция имеет абстрактный характер.

Третий параграф «Вопросы правового статуса субъектов цифровых правоотношений» посвящен вопросам расширения круга субъектов частноправовых отношений за счет цифровизации жизни общества. Появление новых субъектов права способствовало изменению и характера взаимосвязей между элементами правовой системы. В доктрине реанимирована идея наделения объектов гражданских прав, характеризующихся наличием искусственного интеллекта, качествами юридической личности. По мнению автора, данное решение в настоящее время преждевременно и нецелесообразно, поскольку действующее законодательство содержит достаточный набор инструментов для

защиты прав и законных интересов участников цифрового взаимодействия. Отмечено, что принципиальное отличие регулирования отношений посредством искусственного интеллекта от собственно правового регулирования – в природе. Собственно правовое регулирование представляет собой создание ограничений свободе поведения, тогда как регулирование с помощью искусственного интеллекта, напротив, создавая алгоритм, вынуждает действовать по заданному им сценарию, а не препятствует действию по сценарию субъекта права.

Вместе с тем автором анализируется ситуация, при которой такого рода изменения действительно возможны. В частности, в параграфе ставится вопрос о существовании «эндемичных» видов юридических лиц – субъектов цифровых правоотношений, которые могут существовать и действовать исключительно в цифровой среде. Высказана авторская позиция о юридической дихотомии реального и «виртуального» миров как об одном из направлений развития законодательства. Именно в этом случае возможно существование юридической личности искусственного интеллекта. В итоге подтверждается тезис о существовании юридической специфики правового статуса субъектов цифровых правоотношений.

В четвертом параграфе «Связь оборота цифрового контента и цифровизации гражданского оборота» подчеркнуто, что цифровизация гражданского оборота может очень существенно снизить транзакционные издержки (особенно в случае операций с товарами, работами и услугами массового потребления и выявления целевых групп потребителей с помощью технологий big data). С другой стороны, она облегчает динамическое ценообразование, направленное на формирование цены на основе данных о состоянии спроса и предложения. В условиях «самоизоляции» ввиду пандемии коронавируса востребованность и популярность электронного взаимодействия субъектов права существенно возросла, поскольку она не предполагает физического присутствия сторон сделки при ее заключении. Пандемия увеличила и удельный вес общественных отношений, возникающих и реализующихся в виртуальной реальности.

Автор указывает, что одной из современных тенденций развития российского законодательства, регулирующего отношения сторон договорных обязательств, стало расширение способов принятия их условий на себя. Так, согласие на заключение договора может быть выражено и конклюдентными действиями. Применение этого правила и ранее было неожиданным для лиц, внезапно ставших сторонами обязательства (этот конфликт даже получил устойчивое наименование – «акцепт подкрался незаметно»), а цифровизация процедуры заключения сделок только усугубила эту тенденцию – заключение сделок и совершение других юридически значимых действий в электронной форме часто происходит без реального осознания значимости этих действий. При этом, с одной стороны, цифровизация процедуры заключения договора несет в себе обострение конфликта воли и волеизъявления. С другой стороны, цифровизация процедур заключения, исполнения, изменения и прекращения договора значительно ускоряет данные процедуры, делая их автоматическими.

Четвертая глава «Традиционные объекты гражданских прав в системе действующего гражданского законодательства» состоит из шести параграфов.

Первый параграф «Проблемы понятия имущества как гражданско-правовой категории» посвящен анализу гражданско-правовой категории «имущество», которая появилась еще в римском праве и используется в современном отечественном законодательстве, но в отсутствие ее легального определения, относится к числу одних из спорных категорий цивилистической науки. В связи с чем в параграфе представлены различные доктринальные точки зрения как на само понятие имущества, так и на его содержательное наполнение. Отмечено, что под имуществом понимаются отдельные вещи и их совокупность или вещи, деньги и ценные бумаги. Как вариант, данное понятие охватывает вещи, их совокупности, деньги и ценные бумаги, а также имущественные права. Под имуществом также понимается вся совокупность наличных вещей, денег, ценных бумаг, имущественных прав, а также обязанностей субъекта.

Основываясь на нормах ст. 128 ГК РФ, в работе проанализировано соотношение понятий «имущество» и «вещь», изучено возможное наполнение

понятия «иное имущество», рассмотрена в общих чертах категория имущественных прав с позиции ее содержания как объекта гражданских прав. Подчеркнуто, что на сегодняшний день «бестелесные вещи» формально вписываются в систему объектов гражданских прав как разновидность иного имущества. При этом автор уверен, что понятие «иного имущества» в ближайшей перспективе будет ограничено только бестелесными вещами, включая виртуальное (цифровое) имущество: если новый объект будет иметь телесную форму (и отвечать иным признакам вещей), он автоматически подпадает под самостоятельную категорию объектов гражданских прав – вещей – с распространением на него соответственно вещно-правового режима. В отсутствие у нового объекта телесной формы он вписывается в категорию иного имущества. По мнению автора, использование понятия имущества в контексте перечисления объектов гражданских прав как обобщающего понятия основано на исторически устоявшихся традициях цивилистической науки и гражданского законодательства, однако в настоящее время она утратила актуальное значение. В этой связи в целях исключения смешения понятия «бестелесной вещи» с гражданско-правовой категорией «вещь», а также исключения обобщающей категории «имущество» предложено в контексте ст. 128 ГК РФ правовую категорию «иное имущество» заменить правовой категорией «бестелесное имущество», что позволит сохранить зарезервированное место в системе объектов гражданских прав для новых бестелесных объектов.

Во втором параграфе «Правовой режим недвижимого имущества: проблемы формирования и отражения в российском законодательстве» исследованы положения действующего гражданского законодательства о недвижимых вещах, на основе которых в параграфе дается оценка последних нововведений, а также рассматриваются спорные вопросы, связанные с определением признаков недвижимых вещей, с целесообразностью отнесения к недвижимости участков недр, объектов незавершенного строительства. Проанализировав законодательные признаки объектов недвижимого имущества, автор приходит к выводу о том, что перечисленные в ст. 130 ГК РФ критерии

отнесения к недвижимым вещам иных объектов являются достаточными, их смысловая нагрузка не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Особое внимание в параграфе уделено вопросу реализации в отечественном законодательстве концепции «единого объекта недвижимости», одним из неоспоримых преимуществ которой является возможность свободной и беспрепятственной реализации правомочий собственника земельного участка и находящихся на нем построек, использование последних без земельного участка не представляется возможным. Автор пришел к выводу о том, что внесение последних изменений в гражданское законодательство в части расширения перечня объектов недвижимых вещей обусловлено комплексом причин, в первую очередь, сохранением господствующей роли государственной собственности на землю, а также современным социально-экономическим состоянием рынка недвижимости и никак не свидетельствует об отказе законодателя от внедрения в отечественную правовую систему концепции единого объекта недвижимости.

Вместе с тем предложено сократить перечень объектов недвижимости за счет упоминания в ст. 130 ГК РФ участков недр и объектов незавершенного строительства. Отнесение первых из них к объектам гражданских прав с 1994 года породило в научной доктрине ряд дискуссий о разграничении недр и земли, об объеме полномочий правообладателей на эти объекты. Но особое внимание ученых уделяется анализу того, что же выступает непосредственным объектом прав – недра или их участки, недра как природный объект или как природный ресурс. В соответствии с действующим законодательством участки недр исключены из свободного оборота, что предопределяет режим их использования: он практически исчерпывается административными разрешениями и лицензированием. Более того, в соответствии с действующим законодательством недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью, что уже делает отнесение участков недр к объектам гражданских прав нецелесообразным.

Анализ судебной практики признания объектов незавершенного строительства объектом гражданских прав демонстрирует неопределенность с критериями признания рассматриваемого объекта недвижимой вещью. По мнению диссертанта, в целях обеспечения защиты прав собственника земельного участка, занятым объектом незавершенного строительства, а также в целях реализации концепции единства земельного участка и возведенных на нем объектов целесообразным видится исключение из перечня недвижимых вещей объекта незавершенного строительства и отнесение его к составной части земельного участка.

Третий параграф «Особенности имущественных прав как объектов гражданских прав» посвящен рассмотрению правовой категории «имущественные права» в контексте ст. 128 ГК РФ как объекта гражданских прав. Отмечено, что основу имущественных прав составляют право собственности, исключительное и обязательственное право.

Из немногочисленных доктринальных определений имущественных прав выделены следующие их общие признаки: связь с имуществом, оборотоспособность и возможность денежной оценки. Проанализировав перечисленные права на соответствие указанным признакам, автор приходит к выводу о том, что в настоящее время обязательственные и исключительные права, как обладающие самостоятельной экономической ценностью и являющиеся оборотоспособными, в числе имущественных прав являются отдельными объектами гражданского права, в связи с чем из ст. 128 ГК РФ предложено исключить категорию «имущественные права» и включить в качестве самостоятельных объектов обязательственные и исключительные права.

Особое внимание в параграфе уделено одному из спорных вопросов современной правовой доктрины – вопросу о правовой природе доли в праве собственности. Проанализировав основные сложившиеся к настоящему времени теории, диссертант концептуально поддерживает теорию о доле в праве, однако с определенными особенностями, суть которых заключается в следующем. Во-первых, такая доля нематериальна, более того, она представляет собой условную

единицу, которая выражается только через простую математическую дробь части по отношению к целому (что является правовой фикцией). Во-вторых, размер доли влияет лишь на имущественные выгоды и обременения ее обладателя, в том числе в отношениях между сособственниками, которые носят обязательственный характер. В отношениях сособственника с третьими лицами ни доля в праве, ни ее размер не имеет значения вплоть до введения ее в гражданский оборот (такие отношения носят абсолютный характер). В-третьих, в силу своей условности доля в праве не предполагает непосредственного деления самого права собственности (ни по количеству, ни по содержанию полномочий). В-четвертых, доля в праве не тождественна праву собственности. Именно в таком значении в работе предложено рассматривать долю в праве с позиции ее квалификации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав вне категории имущественных прав. При этом право собственности в контексте ст. 128 ГК РФ, по мнению автора, таким объектом не является.

В четвертом параграфе «Результаты работ и оказание услуг в системе объектов гражданских прав» рассматриваются проблемы результатов работ и оказания услуг как объектов гражданских прав. Уточнено, что в качестве однопорядковых явлений рассматривать услуги и работы позволяют два фактора – и работы, и услуги являются объектами обязательственного права, кроме того, по своей сути работы и услуги представляют собой совершение исполнителем действий (деятельности).

Автором раскрывается проблема соотношения работ и услуг, рассматриваются доктринальные признаки, позволяющие разграничить работы от услуг. Одним из основных и наиболее популярных в доктрине признаков является овеществленный результат работ и получаемый эффект и (или) неовеществленный результат услуг. Проанализированы такие признаки как неустойчивость качества услуг, одномоментность оказания и получения услуги, фактическая и юридическая осуществимость, эксклюзивность и т.д.

По результатам проведенного исследования в параграфе сформулирован вывод о том, что как в законе, так и в научной доктрине отсутствуют единственно

верные квалифицирующие признаки работ и услуг, позволяющих разграничить данные объекты гражданских прав. И те, и другие по своей природе представляют собой совершение действия (деятельности), поэтому для практического решения проблемы квалификации отношений в качестве подрядных отношений или в качестве возмездного оказания услуг предложено сместить акцент на предмет совершаемых действий (деятельности), которые совершает исполнитель. В соответствии с действующим законодательством подрядные отношения направлены, в первую очередь, на создание или переработку вещи. Следовательно, если результатом деятельности исполнителя является вещь, такие отношения должны быть квалифицированы в качестве подрядных. С этой точки зрения подрядные работы заключаются в изменении состояния вещи (ее создания или переработки). В свою очередь, в результате оказания услуги также предполагается достижение результата. Однако в отличие от работы такой результат, если он выражен в материальной (бестелесной) форме, не будет тождественен вновь созданной или обработанной вещи.

Пятый параграф «Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как объектов гражданских прав» посвящен определению состава интеллектуальных прав в системе объектов гражданских прав. Особое внимание автором при этом уделено понятийному аппарату – категории интеллектуальной собственности, как обобщающего понятия, а также представлены доктринальные позиции на использование термина «собственность» в рассматриваемом понятии (что вызывает прямую ассоциацию интеллектуальной собственности с институтом права собственности). Диссертант поддерживает современный подход отечественного законодателя: интеллектуальная собственность – это объекты охраны, а интеллектуальное право – виды прав, которые используются при охране объектов и защите прав их владельцев. Особо подчеркнуто, что термины «право» и «собственность» имеют совершенно различное терминологическое значение, не допускающее их отождествления. Уже поэтому собственность не может иметь своим смысловым содержанием право. Именно поэтому не выдерживает никакой критики,

доктринальное предложение о том, что термином интеллектуальная собственность охватываются как сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, так и возникающие в их отношении права.

По мнению автора, формулирование обобщающего понятия интеллектуальной собственности лишено практического смысла. Являясь собирательным термином, призванным лишь обобщить под единым названием результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, оно может представлять только теоретический интерес, однако это никак не повлияет на определение места объектов интеллектуальной собственности в системе объектов гражданских прав.

Отмечено, что отечественный законодатель рассматривает систему интеллектуальных прав как обособленную от объектов интеллектуальной собственности правовую категорию, определяемую в ст. 1226 ГК РФ как субъективные права, реализуемые правообладателем в отношении таких объектов. При этом автор предполагает, что, обладая имущественным характером и признаком оборотоспособности, исключительное право в системе объектов гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ должно занять обособленное место наравне с результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

В параграфе акцентируется внимание на проблеме «иных интеллектуальных прав», перечень которых в законе остается открытым, а в качестве примера названы лишь некоторые из таких прав. Иные интеллектуальные права обладают схожими чертами как с личными неимущественными, так и с имущественными правами. А в силу отсутствия четко сформулированного содержания исключительных прав порой не всегда со всей однозначностью можно признать то или иное право исключительным или «иным». В целях решения практических проблем признания конкретного интеллектуального права имущественным следует проанализировать его с точки зрения наличия или отсутствия у него имущественного признака. К числу таких признаков, по мнению диссертанта,

могут быть отнесены: возможность денежной оценки интеллектуального права, а также допустимость перехода интеллектуального права от одного лица к другому или возможность распоряжения им.

Указанные характеристики бесспорно позволяют именовать имущественными исключительные права. Что касается категории иных интеллектуальных прав, то для некоторых из них законом предусмотрена возможность перехода от одних лиц к другим. Учитывая изложенное, полноценными объектами гражданских прав являются не только результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, но и исключительные права. В результате автор приходит к выводу о том, что самостоятельными объектами гражданских прав в контексте ст. 128 ГК РФ могут выступать также исключительные права и иные интеллектуальные права имущественного характера.

В шестом параграфе «Систематизация объектов гражданских прав в российском законодательстве» автор подчеркивает, что термин «система объектов гражданских прав» не является законодательным, он представляет собой доктринальный продукт, основная цель которого заключается в целесообразном, структурно упорядоченном объединении объектов гражданских прав на основе исследования всего их многообразия. В параграфе проанализированы доктринальные критерии систематизации и предложенные классификации объектов гражданских прав, в их числе правовой режим, субъективные гражданские права и т.д. Ни один из них автором не поддерживается.

По мнению диссертанта, искомый критерий систематизации всей совокупности объектов гражданских прав следует искать в их характеристиках. Это такие характеристики, которые интересуют право лишь постольку, поскольку они влияют на объем прав субъекта на тот или иной объект прав, чем и определяется устанавливаемый в их отношении правовой режим. Так, физические характеристики вещи сводятся в правовом смысле к квалификации в качестве движимого или недвижимого имущества, поскольку отвечают на вопрос о границах распространения имущественного права (право следования, принцип

акцессии). Имущественные правоотношения (как вещные, так и обязательственные) предполагают наличие определенного объема возможностей лица применительно к имуществу. Это может быть вещное право (право собственности, владения, пользования и распоряжения), это может быть право требования, право аренды и т.д. Для обозначения таких характеристик правовая наука выработала понятие «правовая природа», которая в научной доктрине должным образом не исследована. Как отмечает автор, понятие правовой природы целесообразно рассматривать как некий набор характеристик явления, позволяющих отграничить одну совокупность явлений от другой.

Таким образом, в основу авторской систематизации объектов гражданских прав положен критерий определения правовой природы абстрактных предметов и явлений действительности, характеризующийся совокупностью их признаков. Совокупность физических и функциональных признаков объекта предопределяет устанавливаемый в его отношении правовой режим. Исходя из данного критерия и на основе проведенного анализа перечисленных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав диссертантом предложена систематизация объектов гражданских прав. Для определения возможности «вписания» нового объекта гражданских прав в их систему следует уяснить его правовую природу, проанализировав его физические и функциональные признаки.

Пятая глава «Правовой режим объектов гражданских прав в иностранных правовопорядках: сравнительно-правовое исследование» объединяет три параграфа.

В первом параграфе «Международно-правовые инструменты унификации и гармонизации правового режима объектов гражданских прав» отмечено, что правовое положение иностранных граждан развивалось в направлении от статуса близкого к статусу раба к правовому положению гражданина. Конституционный принцип национального режима с развитием позитивно-правового регулирования претерпел множество изменений и уточнений. В наименьшей степени изъятия из него затронули область

договорного права, тогда как права иностранных субъектов на объекты гражданских прав постепенно подвергались ограничениям.

Конституция РФ включает в состав источников международного права общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, но номенклатура источников международного права не исчерпывается этими инструментами. В ст. 38 Статута Международного суда ООН судебные решения (то есть судебная практика в самом широком смысле этого слова) и «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» названы в числе вспомогательных инструментов международного права. Однако международные договоры играют основополагающую роль в процессах унификации и гармонизации права, анализу которых в параграфе уделено основное внимание. Так, в Гаагской конвенции о праве, применимом к переходу права собственности при международной купле-продаже товаров (материальных движимых вещей), 1958 г. сформулированы самостоятельные коллизионные привязки для решения вопроса о переходе права собственности и риска случайной гибели вещи. В числе инструментов унификации норм частного права в рамках СНГ действуют три международных договора, заключенные в рамках СНГ и содержащие коллизионные нормы – Соглашение стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (Киевское соглашение); Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 (Кишиневская конвенция) и Минская конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 и Протокол к ней от 28 марта 1997 г. (Минская конвенция).

По мнению автора, Минская и Кишиневская конвенции сыграли регрессивную роль в коллизионно-правовом регулировании отношений обладателей прав на объекты в отличие от положений раздела VI части III ГК РФ, которые, отражая обязательственно-правовой элемент правового режима объектов гражданских прав, позволяют применить к возникновению и прекращению

вещных прав на движимое имущество право, применяемое к договору, в соответствии с которым указанные права возникают и прекращаются. Приоритет международных договоров над положениями гражданского законодательства и императивный характер коллизионных норм обоих международных договоров не позволяет преодолеть применение закона местонахождения вещи к движимым вещам, как это позволяет сделать коллизионная норма п. 3 ст. 1206 ГК РФ, которая дает сторонам договора о распоряжении объектом гражданских прав возможность выбрать право, применимое к договору.

В параграфе отмечено, что существенную роль в гармонизации и унификации правового режима объектов гражданских прав играют международные договоры, направленные на защиту иностранных инвестиций. В настоящее время универсального многостороннего международного договора, регулирующего отношения государства и инвестора, не существует, поэтому правовой режим иностранных инвестиций основан на «лоскутном одеяле» двусторонних договоров.

Самым обширным по кругу регулируемых отношений и детально разработанным актом частноправовой унификации (вспомогательным источником международного права) в настоящий момент являются Модельные правила европейского частного права (DCFR). Как результат юридической науки, они направлены прежде всего на регулирование отношений, связанных с договорами и другими юридически значимыми действиями, договорными и внедоговорными правами и обязанностями, связанными с ними имущественными отношениями. Их неформальное влияние обеспечено участием в их разработке плеяды выдающихся ученых-юристов, представляющих различные правовые системы и вынужденных пересматривать собственные правовые убеждения в процессе сотрудничества в рамках рабочих групп и консультативных советов.

Второй параграф «Общие черты и специфика правового режима объектов гражданских прав в государствах континентально-правовой системы» посвящен анализу зарубежного опыта в установлении правовых режимов объектов гражданских прав в государствах континентально-правовой

системы. При этом в силу ряда причин основой такого анализа избрано законодательство Испании и Аргентины.

В Испании в качестве объектов гражданских прав выступают вещи (*cosas*), имущество (*propiedad*) и объекты категории “*patrimonio*” (совокупность имеющих экономическое содержание прав и обязательств, обладающая единым правовым режимом, таковым, например, является наследственная масса или имущество супругов), не имеющие аналога в российском гражданском законодательстве. Отмечено, что, как и российское гражданское законодательство, испанское право не содержит легальное определение вещного права, что сообщает определенную свободу толкования этого понятия представителям юридической науки. Отличительной чертой испанского права является открытый перечень ограниченных вещных прав.

Аргентина первой среди государств Латинской Америки объединила гражданский и коммерческий кодексы в единый кодифицированный нормативный правовой акт – Гражданский и коммерческий кодекс 2015 г. (*Código Civil y Comercial, CCyC*). Согласно его положениям блага юридически делятся на 4 категории: 1) индивидуальные права лиц на имущество, составляющее их имущество; 2) индивидуальные права человека на тело человека; 3) права сообществ на общинное имущество; 4) права коллективного действия.

Лица являются обладателями личных прав на блага, которые входят в состав их имущества и потенциально обладают экономической ценностью. Вещами являются только материальные блага. Положения о вещах применимы к энергии и природным силам, которые могут служить человеку (имеются в виду различные формы производства энергии – гидроэлектрическая, ветровая, ядерная, солнечная, тепловая и т. д.). Очевидно, что потенциальную экономическую ценность могут иметь и блага, которые не являются вещами.

В третьем параграфе «Объект гражданских прав как «иностраннный элемент» частноправовых отношений и определение применимого к ним правопорядка» отмечено, что местонахождение объекта гражданских прав за границей является одним из немногих оснований для применения иностранного

права, прямо закрепленных в положениях раздела VI части III ГК РФ. При этом отнесение и имущества, и имущественных прав в ст. 128 ГК РФ к одной категории (иное имущество) порождает проблему определения применимого права, определяющего правовой режим объектов гражданских прав, поскольку определение права, применимого на основании ст. 1205 и 1205¹ ГК РФ, распространяется на имущество в целом. Учитывая содержание ст. 128 ГК РФ, действие этих коллизионных норм распространяется не только на вещи, но и на имущество, не относящееся к вещам, и на имущественные права (в т.ч. цифровые права). Возникает проблема, состоящая в том, что имущественные права как разновидность имущества могут быть как вещными, так и обязательственными (в силу прямого указания п. 1 ст. 141¹). Например, цифровые права в большинстве своем являются именно правами требования, поскольку предполагают не передачу вещей (иного имущества), выполнение работ или оказание услуг, но именно возможность заявления требований о передаче вещи (иного имущества), выполнении работ, оказании услуг.

Возникает кажущееся противоречие объема коллизионной привязки ст. 1205 и 1205¹ ГК РФ и объема привязки коллизионной нормы ст. 1206 ГК РФ. В то время как ст. 1205 ГК РФ привязывает к праву местонахождения имущества право собственности и иные вещные права на него, п. 5 ст. 1205¹ ГК РФ включает в сферу действия применимого права возникновение и прекращение вещных прав, подчиняя их праву местонахождения имущества. В то же время п. 1 ст. 1206 ГК РФ подчиняет возникновение и прекращение вещных прав уже другому правопорядку – праву страны, где это имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для возникновения либо прекращения вещных прав.

В параграфе обращено внимание на абстрактный характер нормы п. 1 ст. 1206 ГК РФ, в современных условиях которой придается дополнительный смысл. Часть 1 ст. 9 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов указала на вступление в силу

нормативных правовых актов Российской Федерации на территориях Республики Крым и г. Севастополя с даты их принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, сохранив при этом для законодателя возможность установить иной порядок вступления в силу.

Часть 1 ст. 23 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» нормативные правовые акты Российской Федерации, в том числе и нормы ГК РФ, действуют на территориях Республики Крым и города Севастополя со дня принятия в Российскую Федерацию этих территорий и образования в составе РФ новых субъектов, если иное не предусмотрено этим Федеральным конституционным законом, который не содержит норм о придании актам гражданского законодательства обратной силы. В связи с этим к гражданско-правовым отношениям применяются положения ГК РФ о действии актов гражданского законодательства Российской Федерации во времени. Согласно п. 1 ст. 4 ГК РФ они не имеют обратной силы и применимы только к отношениям, возникшим после введения их в действие. Однако следующий же пункт данной статьи оставляет возможность для распространения действия норм гражданского законодательства на отношения, возникшие до их вступления в силу путем указания на то в федеральном законе.

Носящая императивный характер ст. 5 Федерального закона от 30.11.1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подтверждает то, что часть первая ГК РФ (в т.ч. положения об объектах гражданских прав, об имущественных и о вещных правах на них) применяется к гражданским правоотношениям, возникшим после введения ее в действие, а по правоотношениям, возникшим до введения ее в действие, она применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения ее в действие. Статьи 21 и 21¹ указанного закона сохраняют за договорами, заключенными на территориях Республики Крым и Севастополя, ДНР, ЛНР, Херсонской и

Запорожской областей, юридическую силу, если иное не установлено федеральными законами. В части отношений, возникших на основании односторонних сделок, заключенных на территории Республики Крым, гражданское законодательство РФ имеет обратную силу, а в отношении односторонних сделок, вступивших в силу на территориях ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, – применяется к правам и обязанностям, возникшим со дня их принятия в Российскую Федерацию.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются выводы.

Научные публикации автора по теме диссертационного исследования:

Научные статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук:

1. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 67-76.
2. Проблема характера ограниченных вещных прав и границы «ожидаемого права» // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 97-107.
3. Категория «объекты гражданских прав» в дореволюционной доктрине // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 68-78.
4. Понятие объектов гражданских прав в советской доктрине // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 26-36.
5. Цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта и криптовалюта. Проблемы правового содержания и взаимодействия // Экономика. Право. Общество. 2023. № 4. С. 66-71.
6. Понятие объектов гражданских прав в российском праве и развитие ее системы // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 168-174.
7. В продолжение дискуссии о понятии объектов гражданских прав // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 86-94.
8. Цифровизация как фактор развития юридической личности носителей искусственного интеллекта // Закон и право. 2024. № 3. С. 158-166.
9. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 164-175.
10. Гражданско-правовой режим виртуальных (цифровых) прав // Экономика. Право. Общество. 2024. № 1. С. 114-124.

11. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 2-7.
12. Эволюция понимания нематериальных благ в науке гражданского права // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5. С. 188-192.
13. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 30-40.
14. Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов) в системе объектов гражданских прав // Lex Russica. 2024. № 5. С. 22-35.
15. Понятие имущества как гражданско-правовой категории // Экономика. Право. Общество. 2024. № 2. С. 85-93.
16. Категория объектов гражданских прав в преломлении испанского гражданского права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 4. С. 92-101.
17. Недвижимое имущество как объект гражданских прав: проблемы формирования и отражения в российском законодательстве // Государство и право 2024. № 11. С. 103-113.
18. Виртуальные и цифровые объекты гражданских прав в парадигме статьи 128 ГК РФ // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 137-148.
19. Результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (интеллектуальная собственность) в системе объектов гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3. С. 96-108.
20. Признаки и классификация нематериальных благ // Журнал российского права. 2025. № 2. С. 83-93.